

«СРЕДИ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ...»

СВОИ гастролы в Москве только что закончил один из лучших драматических коллективов Франции — театр «Компани Мадлен Рено — Жан-Луи Барро». Нынешний год у труппы юбилейный: тридцать лет назад Мадлен Рено и Жан-Луи Барро, ведущие актеры «Комеди Франсез», возглавив небольшую группу единомышленников, основали свой театр. С тех пор они беспрерывно у руля, твердой рукой ведут свой корабль по далеко не всегда спокойному театральному морю Франции.

Три десятилетия — большой срок не только в жизни актера, но и в жизни театра. Близость его основателей к передовым кругам французского искусства, их причастность к поискам сценического стиля, максимально отвечающего требованиям современности, сказались как в постановках классики, так и в работах над пьесами, написанными в самые последние годы.

Москвичи уже знакомы со спектаклями «Компани Рено — Барро»: в 1962 году театр привозил к нам «Проделки Снапена» и «Амфитрион» Мольера, «Ложные признания» Мариво, пьесу современного французского драматурга А. Салакру «Ночи гнева», в которой рассказывалось о французском Сопротивлении. В репертуаре прошлых гастролей были также вечер пантомимы и поэтический спектакль — своеобразная антология французской поэзии от Лафонтена до Элюара.

Пантомима — не случайная гостья в театре Мадлен Рено и Жана-Луи Барро. Культура жеста, движения — краеугольный камень в театральном строении, воздвигнутом Барро. Он любит повторять слова Плутарха: жест — это немая поэзия. Естественно, что именно ему поручил кинорежиссер Марсель Карне роль великого мима Франции Гаскара Дебюро в своем фильме «Дети райка», хорошо известном в нашей стране.

Пантомима и близкий к пантомиме танец нашли свое место и в постановке «Христофора Колумба». Эта трагедия Клоделя не самый легкий материал для сценической реализации. Она почти лишена прямого действия. Это скорее «живые картины», иллюстрирующие судьбу Колумба, его столкновения с королевским двором и знатью, одиночество

героя в мире, охваченном страстью стяжательства и наживы. Барро-постановщик, выстраивая спектакль в духе античной трагедии, одним из главных действующих лиц делает Хор. Многие сцены трагедии поставлены как своеобразный диалог героя с Хором. Но Хор в «Колумбе» многолик, в толпе различимо каждое лицо, в искусно решенных массовых сценах каждый участник хоть на мгновение останавливает наше внимание, донося до нас тот или иной оттенок мысли постановщика.

В ткань спектакля органично вплетается музыка Дариуса Мийо, исполняемая небольшим оркестром (дирижер — Андре Жирар), хоры и сольные вставки, в которых участвует вся труппа, в том числе и сам Барро и Мадлен Рено, сыгравшая труднейшую роль королевы Изабеллы с присущей ей психологической точностью и большой искренностью.

«Гарольд и Мод» американского драматурга Колина Хиггинса — спектакль совсем иного рода. Театру удалось создать поэтичный, полный юмора, временами чуть грустный рассказ о старом человеке с молодой душой, об очень добром человеке, сердце которого распахнуто для других, о человеке необычном, экстравагантном, поскольку каждый его шаг связан с нарушением законов и правил поведения, принятых в обществе потребления. Мод (эта роль — истинный шедевр в огромной галерее театральных образов, созданных за десятилетия Мадлен Рено) прошла войну, концлагерь, потеряла мужа, но не утратила искренности, свежести чувств, умения ценить и понимать природу и людей. В роли Гарольда выступает талантливый молодой актер Даниель Ривьер, которому удалось создать образ юноши с чистой и ясной душой, не запятанной страстью к деньгам, не захваченного ажиотажем бизнеса.

Я встретила в Жаном-Луи Барро за кулисами нового МХАТа, где проходили спектакли французской труппы, и попросила его поделиться впечатлениями от пребывания в нашей стране, в нашем городе.

— Я приехал в Москву с чувством волнения и радости — ведь я снова среди близких друзей, с которыми впервые встречался 14 лет назад. Затем я был гостем и участником театрального

конгресса в 1973 году, во время которого подружился со многими деятелями советского театра, видел немало интересных работ моих московских коллег. Советский театр сейчас на подъеме, весь в поиске новых форм и решений, отличается духом творчества и многообразием форм.

Наши гастролы в СССР закончились, мы выступали в Москве и Ленинграде. Я очень надеюсь в скором времени вновь вернуться в вашу страну, в ваш город, который очень люблю...

Мой театр всегда открыт для советских трупп, которые я сердечно приглашаю в гости, на гастролы. Выступления советских артистов во Франции всегда проходят с огромным успехом. У нас любят и знают советскую и русскую драматургию. Мы обожаем Чехова. В 1954 году наш театр поставил его пьесу «Вишневый сад». Мы с огромным успехом играли его во многих странах мира. Русская драматургия оказывает огромное влияние на французский театр. Мне бы очень хотелось поставить спектакли по Л. Толстому.

Во время поэтического вечера в вашей стране я читал в переводе Э. Триоле отрывок из поэмы «Хорошо!» В. Маяковского. И это не случайно. Во-первых, мне хотелось, чтобы в литературной композиции «Дарованная жизнь», которую мы сделали и исполнили с Мадлен Рено, прозвучал жизнеутверждающий голос В. Маяковского, и, во-вторых, я очень люблю этого поэта, читаю на литературных вечерах его «Стихи о советском паспорте». Исполняя отрывок из поэмы «Хорошо!», я хотел сделать поэтический подарок всем сидящим в зале людям, тем, кто с гордостью носит советский паспорт. Надо сказать, что и я, и Мадлен были несказанно тронуты приемом, который нам оказали советские зрители, особенно на этом вечере поэзии — ведь наш диалог шел по-французски, без перевода. Это прекрасно, когда в зале собирается столько людей, знающих и любящих французскую поэзию, язык твоей страны.

И в заключение нашего разговора мне хочется сказать всем читателям вашей газеты по-русски: «До свидания, никогда вас не забуду».

Т. БУТКОВСКАЯ.

МОСКОВСКИЙ РАЙОН
Г. МОСКВА

130 АПР 1974